

КЕРСТИН ГИР

ТАЙМЛЕС

РУБИНОВАЯ КНИГА

Трилогия

МОСКВА
2020

УДК 087.5
ББК 84 (4 Гем)
Г 51

*Издание
исправленное*

Перевод с немецкого
Светланы Вольштейн

Гир Керстин

Г51 Таймлесс*. Трилогия: Рубиновая книга / Керстин Гир, пер. с нем. С. Вольштейн. – М. : ООО «Издательство Робинс», 2020. – 348 с.

ISBN 978-5-4366-0168-7

Что бы вы делали, если бы вдруг оказались в прошлом?

Гвендолин Шефера не задавалась этим вопросом, пока не узнала, что унаследовала от своей прапрабабушки ген путешественника во времени. И теперь ей предстоит каждый день переноситься в прошлое... и с каждым днём тайн и загадок становится всё больше и больше. Что такое Тайна Двенадцати, кто охотится на путешественников во времени в прошлом и почему все вокруг думают, что Гвен обладает какой-то «магией ворона»?..

Трилогия «Таймлесс» – бестселлер немецкой писательницы Керстин Гир – для читателей всех возрастов!

**УДК 087.5
ББК 84 (4 Гем)**

Original title: Rubinrot
© 2009 by Arena Verlag GmbH, Würzburg, Germany
www.arena-verlag.de
© ООО «Издательство Робинс», перевод,
издание на русском языке, 2016

ISBN 578-5-4366-0168-7

*Timeless (*англ.*) – вневременный, вечный (*примеч. ред.*).

Пролог

Гайд-парк, Лондон

8 апреля 1912 года

Она стояла на коленях и плакала, а он тем временем судорожно оглядывался по сторонам. Как он и предполагал, парк в это время суток был совершенно пуст. Утренние пробежки в моду пока не вошли, а для бродяг, которые ночуют на лавочках, скромно прикрывшись газеткой, было ещё слишком холодно.

Он осторожно завернул хронограф в платок и положил его в рюкзак.

Она опустилась на сиренево-жёлтый ковёр из отцветших крокусов и прислонилась спиной к одному из деревьев, украшавших северный берег озера Серпентин.

Плечи её сотрясались от рыданий. Этот безутешный плач был похож на стон зверя, попавшего в ловушку.

Ему было невыносимо тяжело видеть её в таком состоянии. Но он уже успел убедиться, что самое разумное — это оставить её в покое. Поэтому он просто присел рядом на траву, влажную от утренней росы, окинул взглядом гладкую как стекло поверхность воды и стал ждать.

Он ждал, когда её боль притупится. Но сердце подсказывало ему, что эта боль останется с ней навсегда.

Он чувствовал себя таким же несчастным, но изо всех сил пытался этого не показывать.

Не стоит ей сейчас тревожиться ещё и о нём.

– А бумажные платочки уже изобрели? – наконец пробормотала она и подняла на него своё заплаканное лицо.

– Не знаю, – сказал он. – Могу предложить тебе настоящий шёлковый платок, с оборками и монограммой. В духе времени.

– «Г. М.». Ты что, украл его у Грейс?

– Она сама мне дала. Можешь сморкаться сколько хочешь, принцесса.

Когда она возвращала ему платок, на её лице появилась слабая улыбка.

– Кажется, теперь его придётся выбросить. Прости.

– Да ну, перестань. В этом времени платок можно высушить на солнышке и потом использовать ещё раз! – усмехнулся он. – Главное, что ты больше не плачешь.

На её глаза снова навернулись слёзы.

– Мы не должны были оставлять её в беде! Мы нужны ей! Нам неизвестно, сработал ли наш план, и у нас нет никакой возможности проверить это.

Её слова больно ранили его.

– Мёртвыми мы бы ей точно негодились.

– Наверное, мы могли бы скрываться с ней за границей под чужими именами, пока она не подрастёт...

Он прервал её тираду и обречённо покачал головой.

– Они бы нашли нас где угодно. Мы ведь обсуждали это с тобой уже тысячу раз. Мы не бросили её в беде. Мы сделали единственно правильный выбор: мы помогли ей пожить некоторое время в безопасности. Хотя бы до шестнадцати лет.

Она молча посмотрела на него. Где-то вдалеке послышался цокот копыт, со стороны дороги донеслись голоса, хотя вокруг было ещё совсем темно.

– Я знаю, что ты прав, – сказала она наконец. – Но мне так больно осознавать, что мы её никогда больше не увидим... – Она вытерла слёзы.

– По крайней мере, скучать нам не придётся. Рано или поздно *они* разыщут нас в этом времени и пришлют за нами хранителей. Он так просто не сдастся и не уступит нам хронограф.

В её глазах блеснула жажда приключений. Он заметил это и слабо улыбнулся: значит, теперь она понемногу успокоится.

– А вдруг нам всё-таки удалось его провести или, может, тот второй экземпляр выйдет из строя? Тогда он останется ни с чем.

– Да, хорошо бы. Но если этого не случится, то мы будем единственными, кто сможет ему помешать.

– И потому мы поступили правильно.

Он встал и отряхнул джинсы от травы и грязи.

– А сейчас нам пора. Тут так мокро, а ты совсем себя не бережешь.

Он помог ей подняться и нежно её поцеловал.

– Что будем делать? Поищем укрытие для хронографа?

Она нерешительно перевела взгляд на мост, который отделял Гайд-парк от Кенсингтон-Гарден.

– Да. Но сначала мы найдём тайник хранителей и заберём деньги. Тогда можно будет купить билет до Саутгемптона. Оттуда в среду отправляется «Титаник».

Она засмеялась:

– Вот, значит, как я должна себя беречь! Ну что ж, поехали!

Он был так счастлив снова слышать её смех, что не мог удержаться от нового поцелуя.

– Я тут подумал... Ты знаешь, что капитаны кораблей имеют право заключать браки, когда выходят в дальнее плавание? А, принцесса?

– *Ты что, хочешь, чтобы мы поженились? На «Титанике»? Ты с ума сошёл!*

– Но это же так романтично!

– Особенно айсберг – такая романтичная штучка! – Она положила голову ему на грудь и спрятала лицо в его куртку. – Я так тебя люблю!.. – прошептала она.

– Ты выйдешь за меня замуж?

– Да, – сказала она, всё так же пряча лицо на его груди. – Но только если мы не поедem дальше Квинстауна.

– Готова к следующему приключению, принцесса?

– Если ты готов, то готова и я, – тихо сказала она.

*Неконтролируемое путешествие
во времени характеризуется
следующими симптомами:
за несколько минут, часов или даже дней
до прыжка появляется чувство головокружения
и тошноты, дрожь в ногах. Многие носители гена
жалуются также на мигрень.
Первый прыжок во времени – инициация –
происходит на семнадцатом году жизни
путешественника.*

Хроники хранителей,
Том второй, Общие положения

Глава первая

Впервые я почувствовала это в понедельник за обедом в школьной столовой. На миг в животе что-то сжалось, появилось такое чувство, будто я взмываю ввысь на американских горках. Это продолжалось лишь пару секунд, но их хватило, чтобы перевернуть прямо на школьную форму тарелку картофельного пюре с подливкой. Вилка и ложка полетели на пол, а тарелку я едва успела подхватить.

– Всё равно еда сегодня такая мерзкая, как будто её с пола по тарелкам раскладывали, – попыталась меня утешить моя подруга Лесли, пока я пыталась убрать за собой это безобразие. Ясное дело, вся столовая только на меня и глазела.

– Хочешь, можешь и мою порцию размазать по блузке.

– Нет уж, спасибо.

Школьная форма в Сент-Ленноксе как раз была цвета картофельного пюре, но пятно всё равно сразу бросалось в глаза. Я застегнула надетый поверх блузки голубой пиджак.

– Так-та-ак, должно быть, малышка Гвенни снова забавляется со своим завтраком? – насмешливо протянула Синтия Дейл. – Только не вздумай садиться возле меня, грязнуля!

– Ну конечно, Син! Так я рядом и сяду!

К сожалению, со мной в последнее время постоянно случаются всякие неприятные истории во время еды. Вот только на прошлой неделе фруктовое желе выплеснулось из формочки и приземлилось прямо на спагетти карбонара одного пятиклассника. Ещё неделю тому назад я уронила стакан с вишнёвым соком, и у всех за столами был такой вид, будто они одновременно заразились корью. А как часто я окунала во всевозможные соки и соусы дурацкий галстук, который мы тоже обязаны носить, и не сосчитать!

Вот только голова при этом не кружилась ни разу. Хотя, может, просто показалось. Последнее время у нас дома слишком уж часто говорят о головокружениях. Но я тут ни при чём, речь о моей кухне Шарлотте. Вот она сидит рядом с Синтией, как всегда страшно красивая и неприступная, занята своим картофельным пюре.

Вся семья ждала, когда же у Шарлотты начнутся головокружения. Иногда леди Ариста, моя бабушка, теребила её каждые десять минут вопросом, не почувствовала ли Шарлотта себя как-нибудь необычно. В перерывах вступала моя тётушка Гленда, мама Шарлотты, и спрашивала точь-в-точь о том же самом. И каждый раз, когда Шарлотта отвечала, что с ней всё в порядке, леди Ариста поджимала губы, а тётя Гленда вздыхала. Иногда наоборот: тётя поджимала губы, а вздыхала бабушка.

Нам, остальным членам семьи, – моей маме, сестре Кэролайн, брату Нику и бабушке Мэдди, – вся эта ситуация порядком надоела. Никто не спорит, любопытно, конечно, кому же из нашей семьи достался ген путешественника во времени, но с годами все уже заметно подустали от ожиданий. Весь этот балаган вокруг Шарлотты давно уже

сидел в печёнках. Сама же она, по обыкновению, прятала свои чувства за таинственной улыбкой Моны Лизы. Я бы на её месте тоже не знала, радоваться или огорчаться, что это злосчастное головокружение никак не приходит. Хотя... нет, я бы радовалась. Я-то человек робкий, нерешительный. Люблю спокойствие.

– Рано или поздно время придёт, – каждый день повторяла леди Ариста. – Мы должны быть начеку!

Время пришло как раз после обеда, на уроке истории у мистера Уитмена. Ко всем неприятностям того дня в моём десерте – крыжовниковом компоте с ванильным пудингом – обнаружился чёрный волос, и я всё размышляла, из моей ли он головы или из головы дежурной поварихи. За такими раздумьями аппетит сам собой улетучился.

Учитель раздал нам результаты контрольной, которую мы писали на прошлой неделе. «Вы, определённо, хорошо подготовились, ребята. Особенно Шарлотта. Ты получаешь пять с плюсом!» Шарлотта откинула с лица волнистую рыжую прядь и вымолвила лишь скромное «ах...», как будто такой результат был для неё хоть сколько-нибудь неожиданным. Везде и всегда оценки у Шарлотты были самыми лучшими.

Но на этот раз нам с Лесли тоже было чему порадоваться. У обеих стояла пятёрка с минусом, хотя наше «хорошо подготовились» заключалось в том, что мы посмотрели фильм про Елизавету¹ с Кейт Бланшетт, налегая при этом на мороженое и попкорн.

¹ «Елизавета» – историческая биографическая мелодрама о королеве Елизавете I (Англия, 1554 г.), роль которой исполнила известная австралийская кино- и театральная актриса Кейт Бланшетт.

О да, к истории мы относились серьёзно, не то что к остальным предметам. Уроки мистера Уитмена были настолько интересными, что не оставалось ничего другого, кроме как внимательно слушать. Учитель истории и английского языка и сам был человеком особенным. Почти все девочки были тайно или явно в него влюблены. И наша учительница географии, миссис Каунтер, тоже была влюблена в своего коллегу. Каждый раз, когда он проходил мимо, она краснела, как помидор. Но выглядел он так хорошо, что и не подступиться. В этом все были солидарны. То есть все, кроме Лесли. Она считала, что мистер Уитмен похож на бельчонка из одного мультика. «Когда он смотрит на меня своими большими карими глазами, мне хочется покормить его орешками», — говорила она. Лесли даже перестала называть белочек из парка просто белочками, а величала их «мистеры Уитмены». Глупо, конечно, но эта привычка оказалась жутко заразной, и вскоре я сама пищала что-то вроде: «Гляди, вон ещё один толстый маленький мистер Уитмен, ой какой миленький!»

Вот из-за этой придумки с белками мы с Лесли и были, наверное, единственными девочками в классе, которые не сохли по учителю. Я всё пыталась уговорить себя тоже в него влюбиться, потому что все мальчишки из нашего класса были какими-то малявками, но в голове крепко засело это смешное сравнение с бельчком. Не питать же романтических чувств к белке! Синтия пустила сплетню, будто наш «бельчонок» в свободное от преподавания время подрабатывает моделью. Вместо доказательства она потрясла вырезанной из журнала картинкой, на которой ослепительный мужчина, действительно немного похожий на мистера Уитме-

на, намыливался гелем для душа. Никто, кроме Синтии, не верил, что мистер Уитмен и есть тот самый мыльный супермен. У мужчины в рекламе ямочка на подбородке, а у нашего «бельчонка» нет.

Мужская половина класса не разделяла девчачьих восторгов по поводу мистера Уитмена. Больше всех его не любил Гордон Гельдерман. До того как мистер Уитмен пришёл к нам в школу, все девчонки сохли как раз по этому Гордону. Должна признаться, что и я тоже. Но ведь мне тогда было всего одиннадцать, а Гордон был таким милашкой! Сейчас, в шестнадцать, он стал просто невыносимым. К тому же у него затянулся период ломки голоса. Вот уже два года, как Гордон то блеет, то чирикает, но это ему, к сожалению, ничуть не мешает постоянно нести всякую ерунду.

Он ужасно разозлился, когда увидел свою двойку за контрольную.

– Мистер Уитмен, это дискриминация! Моя работа заслуживает как минимум четвёрки! Вы меня опять валите только из-за того, что я мальчик.

Учитель снова забрал у Гордона его контрольную и прочёл всему классу:

– «Елизавета Первая была такой уродиной, что мужа себе подцепить не смогла. Поэтому все называли её самой уродливой старой девой».

Все захихикали.

– И что такого? Неправда, что ли? – защищался Гордон. – Ехидный взгляд, кривая улыбочка, глупая причёска.

Мы должны были основательно изучить картину с семейством Тюдор в Национальной галерее, и надо признать, что с Кейт Бланшетт у Елизаветы I мало обще-

го. Во-первых, может быть, тонкие губы и длинные носы были тогда идеалом красоты, а во-вторых, одевалась она отлично. И в-третьих, хоть у Елизаветы и правда не было мужа, но зато она постоянно крутила романы. Среди её ухажёров был, например, этот, как же его?.. Сэр.. ну.. В фильме его играет Клайв Оуэн.

– Сама она называла себя самой юной из всех старых дев, – сказал мистер Уитмен Гордону. – Потому что... – Он вдруг замолчал. – Шарлотта, тебе плохо? Что случилось? Голова болит?

Все посмотрели на Шарлотту. Она сидела подперев голову руками.

– Нет, не болит, просто... кружится. – Она выразительно взглянула на меня. – Всё кружится перед глазами.

Я глубоко вздохнула. Итак, время пришло! Бабушка сейчас переполошилась бы не на шутку. Хотя сначала, наверное, тётя Гленда.

– Вот круто! – прошептала Лесли. – Теперь она станет прозрачной?

Несмотря на то что леди Ариста с малых лет строгонастрого запрещала нам рассказывать кому бы то ни было о событиях, которые сопровождают нашу семью, я для себя решила, что в нашей дружбе с Лесли никаких тайн быть не может. Она же моя лучшая подруга, а лучшие подруги ничего друг от друга не скрывают. В первый раз за всё время нашего знакомства с Шарлоттой (то есть за всю мою жизнь) у неё был такой беспомощный вид. Но я знала, что делать. Тётя Гленда меня давно научила.

– Если можно, я отведу Шарлотту домой, – попросила я мистера Уитмена. Он всё ещё не сводил с неё глаз.

– Полагаю, это неплохая идея, Гвендолин. Выздоровливай скорее, Шарлотта! – пожелал он.

– Спасибо, – отозвалась Шарлотта. Она побрела к двери, немного пошатываясь. – Что же ты, Гвенни?

Я поспешила взять её под руку. Впервые мне довелось почувствовать себя хоть немного значимой персоной в жизни Шарлотты. Это было приятное чувство. Для разнообразия можно было бы испытывать его и почаще.

– Обязательно позвонишь и всё расскажешь! – шепнула на прощание Лесли.

Перед дверью беспомощность Шарлотты снова рассеялась. Она хотела ещё вытащить свои вещи из-под парты. Я крепко держала её под локоть.

– Оставь их, Шарлотта! Мы должны попасть домой как можно скорее! Леди Ариста сказала...

– Ой, кажется, прекратилось, – прошептала Шарлотта.

– Ну и что? Это всё равно может случиться в любой момент. – Я потянула Шарлотту в другой конец класса. – Куда подевался этот кусок мела? – На ходу я шарила по карманам куртки. – Да вот же он! А вот и телефон. Позвонить домой? Ты что, боишься? Ох, прости, глупый вопрос. Просто я так волнуюсь...

– Да всё в порядке уже. Я не боюсь.

Я оглядела её со всех сторон, чтобы проверить, так ли это. Но Шарлотта уже нацепила свою маленькую, стеснительную улыбочку Моны Лизы, разглядеть за которой её чувства было совершенно нереально.

– Так мне домой позвонить?

– Ну и зачем? – ответила Шарлотта вопросом на вопрос.

– Я просто подумала...

– Позволь мне самой за себя думать, а?

Мы спустились по лестнице до арки, где всегда сидел Джеймс. Он, завидев нас, сразу поднялся, но я лишь улыбнулась вместо приветствия. С Джеймсом дело обстояло следующим образом: никто, кроме меня, его не видел. Джеймс был *привидением*. Поэтому я предпочитала с ним не разговаривать в присутствии других людей. Только при Лесли я делала исключение. Она ни секунды не сомневалась в его существовании. Лесли всегда мне верила, и это было одной из причин, почему она стала моей лучшей подругой. Она так расстраивалась, что не умеет видеть и слышать Джеймса! Я в общем-то была этому рада. Первое, что сказал Джеймс, увидев Лесли, было: «Боже праведный! У этого бедного ребёнка веснушек больше, чем звёзд на небе! Если она срочно не купит себе отбеливающий лосьон, то никогда не найдёт себе суженого!» «Спроси его, не закопал ли он случайно где-нибудь поблизости клад?» – сразу, о чём спросила Лесли, когда я представила их друг другу. К сожалению, Джеймс никаких кладов не закапывал. И вообще, это его оскорбило. Ещё его оскорбляло, когда я проходила мимо, делая вид, что не вижу его. Джеймса вообще многое оскорбляло. «Он прозрачный? Или чёрно-белый?» – осведомилась Лесли при первой встрече. Да нет, всё в Джеймсе было совершенно обыкновенным. Кроме одежды, конечно.

– А ты можешь пройти сквозь него?

– Не знаю, не пробовала.

– Ну так попробуй! – предложила Лесли.

Но Джеймс как-то не горел желанием, чтобы кто-то сквозь него ходил.

– Что это ещё значит – «привидение»? Никто не смеет унижать Джеймса Августа Перегрин Пимпелбот-

тома, наследника четырнадцатого графа Хардстейла. Никто, и маленькие девочки в том числе.

Как и многие другие привидения, он просто-напросто не хотел верить в то, что больше не был человеком. Даже при большом желании он не вспомнил бы того факта, что когда-то умер. Мы познакомились пять лет назад, в мой первый день обучения в Сент-Ленноксе. Но Джеймсу казалось, что всего несколько дней тому назад он играл в карты с друзьями и болтал о мушках¹ и париках. (Он, кстати, носил и то и другое, но выглядел вовсе не так ужасно, как может показаться из этого описания.) То, что за время нашего знакомства я подросла на двадцать сантиметров, мне поставили, а затем сняли брекеты и у меня появилась грудь – всего этого Джеймс старательно не замечал. Равно как и того обстоятельства, что дворец его отца давно уже стал частной школой с электричеством, водой и батареями. Единственное, что он, кажется, всё-таки замечал – это длину юбочек у воспитанниц школы. В его-то времена женские ножки увидеть было непросто.

– Не очень-то вежливо с вашей стороны, мисс Гвендолин, не поприветствовать господина, который по статусу намного выше вас! – крикнул он вслед, совсем ошарашенный от такого невнимания с моей стороны.

– Прости, но мы спешим, – сказала я.

– Если могу чем-нибудь быть полезен – извольте, я всегда к вашим услугам! – Джеймс поправил старомодные воланы на рукавах.

– Нет, большое спасибо. Нам просто нужно как можно скорей попасть домой.

¹ Мушка – это древневосточная имитация родинки, которую арабы и персы считали украшением лица, которая стала модной в Европе в середине XVII в.

Да уж, «к нашим услугам!» Джеймс сам и дверь-то открыть не мог, не то чтобы другим помогать.

– Шарлотта плохо себя чувствует.

– О, как это печально! – Джеймс был равнодушен к Шарлотте. В отличие от «той невоспитанной веснушчатой», как он обычно называл Лесли, моя кузина казалась ему исключительно «обворожительной и грациозной». Сегодня он тоже отпустил парочку высокопарно-льстивых комплиментов. – Пожалуйста, вырази ей мои наилучшие пожелания. И передай, что сегодня она снова выглядит обворожительно. Светлый лик её немного бледноват, но загадочен, как у эльфийской принцессы.

– Я передам.

– Прекрати уже общаться со своим вымышленным другом! – сказала Шарлотта. – Так и в психушку загреметь недолго.

Ладно-ладно, ничего-то я ей не передам. Хватит уже задаваться.

– Джеймс не вымышленный, он просто невидимый. А это большая разница!

– Ну как знаешь, – пожала плечами Шарлотта.

Она и тётя Гленда считали, что я просто выдумала и Джеймса, и других духов, чтобы казаться значительней. Я уже жалела, что разболтала родственникам про привидений. Но когда я была совсем маленькой, то уж никак не могла смолчать. Особенно если железные фигурки, украшавшие водосточную трубу, появлялись на крыше и строили мне оттуда рожи. Те ребята были, по крайней мере, весёлыми. А иногда встречались и мрачные создания, которых я, откровенно говоря, побаивалась. Прошло года два, прежде чем я поняла, что привидения не опасны для людей. Единственное, что они могли сде-

лать, так это нагнать страху. Джеймс, конечно, такого не вытворял. Он был совершенно безобидным.

– Лесли думает: хорошо, что Джеймс умер молодым. С такой фамилией, как у него, – Пимпелботтом, – жену он себе в жизни бы не нашёл. Ну кому захочется зваться Пимпелем?

Шарлотта нервно заёрзала.

– Но выглядит он совсем неплохо, – продолжала я. – К тому же, если верить его словам, Джеймс страшно богат! Только некоторые привычки у него были немножко немужественные – например, он постоянно прикрывал нос напысканным духами платочком, расшитым по последней моде.

– Как жаль, что никто, кроме тебя, не может им восхищаться! – сказала Шарлотта.

Да я и сама так думала.

– Ну и глупо же ты поступаешь, если рассказываешь про свои странные способности каждому встречному, – продолжала Шарлотта. Это был один из её типичных ударов ниже пояса. Он был рассчитан на то, чтобы задеть меня за живое. И задел.

– Нет во мне ничего странного!

– Нет, есть!

– О себе подумай, ты – *носитель гена!* Я хоть не болтаю об этом где попало, – возразила Шарлотта. – А ты у нас, наоборот, как чокнутая бабушка Мэди. Она даже молочнику любит порассказать о своих видениях.

– Ты подлая, подлая!

– А ты наивная!

Препираясь, мы бежали по вестибюлю мимо застеклённой кабинки нашего вахтёра, прочь со школьно-

го двора. На улице дул сильный ветер, небо хмурилось так, будто вот-вот брызнет дождь. Я уже жалела, что мы не забрали вещи из класса. Пальтишко бы сейчас вовсе не помешало.

– Прости за это сравнение с бабушкой Мэдди, – извинилась Шарлотта немного сдавленным голосом. – Волнуюсь немного.

Я была поражена: она никогда раньше не извинялась.

– Естественно, – быстро проговорила я, давая понять, что извинение принято. На самом деле о понимании между нами не могло быть и речи. Я бы на её месте тряслась со страху. Сейчас я тоже волновалась, но не очень сильно, как, например, перед походом к стоматологу.

– Да и вообще, мне бабушка Мэдди нравится.

Это была чистая правда. Старушка Мэдди была порой чересчур болтливой: могла по четыре-пять раз повторять одно и то же. Но мне такие странности были куда милее, чем дурацкая таинственность всех остальных. А ещё бабушка Мэдди всегда угощала нас леденцами. Лимонными. Но что Шарлотте до каких-то там леденцов!

Мы перешли дорогу и побежали дальше.

– Ну не пялься ты так! Заметишь же, когда я исчезну. Тогда накорябаешь свой дурацкий крест мелом на бордюре и поскачешь себе дальше домой. Но сегодня этого не случится, точно тебе говорю.

– Ты этого знать не можешь. Любопытно тебе, наверное, где ты окажешься? То есть когда?

– Конечно, – кивнула Шарлотта.

– Надеюсь, не в центре Великого пожара 1664 года.

– Великий Лондонский пожар был в 1666-м, – поправила меня Шарлотта. – Ну как можно не запомнить такую лёгкую дату! Кроме того, эта часть города тогда была

не очень-то сильно застроена, следовательно, не могла вся сгореть.

Я уже говорила, что Шарлотту ещё называли занудой и спойлером? Но я держалась спокойно. Это было, конечно, жестоко, но мне хотелось хоть на пару секунд стереть с её лица эту дурацкую улыбочку.

– Сдаётся мне, наша школьная форма отлично горит, – заметила я вскользь.

– Я знаю, что делать, – вдруг серьёзно сказала Шарлотта.

Я не могла не восхититься её хладнокровием. Уже от одной мысли о том, что скоро я могу очутиться где-то в прошлом, мне бы стало жутко. Всё равно в каком времени – в прошлом всегда такой кошмар творился! Войны, чума, оспа, а скажешь что-то не то – сразу обзовут ведьмой и сожгут. Вместо унитазов – дырки в уборной, блохи и вши у всех подряд, а по утрам каждый плюхал содержимое ночного горшка из окна прямо на улицу. И не важно, шёл там внизу кто мимо или нет.

Шарлотту всю жизнь учили, как не растеряться в прошлом. У неё никогда не хватало времени на игры, подругек, походы по магазинам или на мальчишек. Вместо этого она занималась танцами, фехтованием и конным спортом, иностранными языками и историей. Начиная с прошлого года она стала, вдобавок ко всему, каждую среду после уроков уезжать с леди Аристой и тётей Глендой неизвестно куда. Возвращались они только поздно вечером. Мои родственники называли это «занятия по тайноведению». Нас никто в известность не ставил, какой там мистике обучали Шарлотту, она сама тоже ничего не рассказывала.

Когда Шарлотта только научилась говорить, то, наверное, первой её фразой было: «Это секрет!» А сразу за ней: «Это вас не касается!» Лесли считает, что в нашей семье больше тайн, чем у секретных служб США и Великобритании, вместе взятых. Вполне возможно, что она права.

Обычно мы ехали домой на восьмом автобусе, он оставался у Бэркли-сквер, а от него до дома было совсем близко.

Сегодня мы пробежали эти четыре остановки пешком, как учила нас тётя Гленда. Я всё время держала наготове мел, но с Шарлотой ничего особенного не происходило. Когда мы подошли к двери нашего дома, я, можно сказать, почти разочаровалась. Моя миссия во всей истории на этом месте подходила к концу. За дело должна была взяться бабушка.

Я дёрнула Шарлотту за рукав:

– Гляди, тот мужчина в чёрном снова здесь.

– И что с того? – Шарлотта даже не обернулась.

Мужчина стоял напротив, у входа в дом номер восемнадцать. Он был, как обычно, в чёрном пальто и шляпе, надвинутой на глаза. Я вообще-то долго считала его привидением, но потом заметила, что Лесли и мои родственники тоже видят чёрного человека. Последние месяцы он почти круглые сутки дежурил возле нашего дома. А может, это были несколько таких вот одинаковых дядек в чёрном. Все мы спорили, кто он: вор-налётчик, частный детектив или злой волшебник. Последняя версия принадлежит моей сестре Кэролайн. Ей девять лет, и она обожает истории про злых волшебников и добрых фей. Моему брату Нику двенадцать, истории про волшебников и фей он уже терпеть не может, поэтому Ник был за версию с вором. Лесли и я отстаивали детектива. Каждый

раз, когда мы хотели рассмотреть чёрного человека поближе, он либо быстро заходил в дом, либо садился в чёрный «бентли», всегда припаркованный рядом, и уезжал.

«Это специальный сказкомобиль, – утверждала Кэрролайн. – Когда никто не видит, он превращается в ворона. А волшебник становится малюсеньким человечком, садит своего ворона и улетает».

Ник на всякий случай переписал номер чёрного «бентли». «Хотя они, конечно, перекрашивают машину после того, как взламывают дом, и цепляют новый номер», – сказал он.

Взрослые вели себя так, словно не было ровным счётом ничего подозрительного в том, что чёрный следил за нами днём и ночью. Шарлотта, собственно, тоже поинтересовалась: «Ну что вы пристали к бедному мужчине! Курит себе спокойно, вот и всё». Да уж, конечно! Я скорее поверила бы в волшебного ворона.

Пошёл дождь, чего и следовало ожидать.

– Ну хоть голова-то кружится? – спросила я, ожидая, пока кто-нибудь нам откроет. Ключа от дома у нас не было.

– Не действуй мне на нервы, – сказала Шарлотта. – Это случится, когда случится.

Нам открыл мистер Бернхард. Лесли считала нашего швейцара окончательным доказательством того, что мы почти такие же богатые, как группа «Queen» или Мадонна.

Я и сама толком не знала, кем был мистер Бернхард. Для мамы он был «бабушкиной правой рукой», бабушка называла его «старый друг нашей семьи». А для нас, детей, он был просто противным слугой леди Аристы.

Увидев нас, он удивлённо приподнял бровь.

– Привет, мистер Бернхард! – воскликнула я. – Кошмарная погода, не правда ли?

– Абсолютно кошмарная.

Пенсне в золотой оправе на крючковатом носу, большие карие глаза – своей внешностью швейцар напоминал мне сову, точнее, филина.

– Следует надеть пальто, если выходишь из дому в холодную погоду.

– Э-э... да-да, конечно, – согласилась я.

– Где леди Ариста? – спросила Шарлотта.

Она никогда особо не церемонилась со швейцаром. Наверное, потому, что Шарлотта, в отличие от нас, ещё ребёнком не слишком его уважала. Хотя у нашего мистера Бернхарда и была черта, которая могла внушить уважение кому угодно. Он умел появляться из ниоткуда и тихо стоять у тебя за спиной. Двигался по дому он бесшумно, словно кошка. Ничто, кажется, от него не ускользало: в любое время, что бы ни случилось, мистер Бернхард всегда был на месте событий. Появился в доме он задолго до моего рождения, а мама рассказывала, что помнит его ещё со времён, когда сама была маленькой. Потому мистеру Бернхарду, наверное, было столько же лет, сколько и леди Аристе, хоть он и не выглядел таким старым. Жил он в комнате на третьем этаже. Туда можно было попасть по отдельной лестнице с бокового коридора. Нам запрещалось даже заходить в этот дополнительный коридор. Мой брат был уверен, что мистер Бернхард оставил там открытые люки и прочие ужасные ловушки, чтобы только остановить нежелательных посетителей. Но доказать этого он не мог. Никто из нас ни разу в жизни не решился на то, чтобы переступить порог коридора.

– Мистеру Бернхарду необходимо личное пространство, – часто повторяла леди Ариста.

– Да-да, каждому из нас оно тоже не мешает, – говорила моя мама. Но говорила так тихо, что леди Ариста её не слышала.

– Ваша бабушка в музыкальной комнате! – доложил мистер Бернхард Шарлотте.

– Спасибо! – Шарлотта оставила нас у порога и бросилась по лестнице наверх.

Музыкальная комната находилась на втором этаже, и никто толком не знал, почему она так называется. Там ведь даже пианино не было. Это была любимая комната леди Аристы и бабушки Мэдди. Там всегда пахло фиалковыми духами бабушки Мэдди и дымом от тонких сигарет леди Аристы. Проветривали там редко. Если долго находиться в этой комнате, то непременно начинало тошнить.

Мистер Бернхард закрыл входную дверь. Напоследок я успела ещё раз поглядеть на другой конец улицы. Мужчина в шляпе всё ещё был там. Ой, что это? Мне показалось или он действительно поднял руку, как будто помахал кому-то? Может, мистеру Бернхарду? Или даже мне самой?

Дверь захлопнулась, и я не стала дальше развивать свои догадки. В животе вдруг снова всё сжалось, а в голове закружилось, как будто я катаюсь на американских горках. В глазах потемнело. Колени задрожали, и пришлось прислониться к стене, чтобы не упасть.

Сердце бешено колотилось. Что-то со мной было не так. Странно всё же чувствовать себя как на американских горках, не катаясь при этом на них, и так уже два раза за два часа. Похоже, однако, на... Что за бред! Наверное, я на-

чала чересчур быстро расти. Или у меня э-э-э... опухоль головного мозга? Или просто есть захотелось? Точно! Я ведь не обедала даже: моя порция картофельного пюре украсила школьную блузку. У-ух, ура! Вдруг я заметила, что мистер Бернхард внимательно изучает меня своими совиными глазами.

– Ай-ай-ай! – сказал он после долгой паузы.

Я почувствовала, что краснею.

– Ну, я пошла... домашнее задание делать, – пробурчала я.

Мистер Бернхард кивнул, вид у него был совершенно безразличный. Но, поднимаясь по лестнице, я чувствовала спиной его внимательный взгляд.